

Сергей Кургинян (1949)

ПОЛНЫЙ МРАК, ИЛИ ЧЕМ НАГРУЖЕН «ГРУЗ-200»

РФ сегодня №15, 06.08.2007, [ссылка](#)

Я не любитель Сокурова. Но понимаю, что «это» существует в культуре. И должно рассматриваться в качестве культурного феномена. Я в той же степени понимаю, что Балабанов (весь целиком) никакого отношения к культуре не имеет. Не я один это понимаю. Но говорить (в который раз) приходится мне одному. Одному, так одному... ноу проблем...

Культурный феномен отсутствует. А социальный есть! Если толпы моих сограждан могут оборзеть настолько, чтобы кайфовать от милого пухлого московского мальчика, способного поступить в МГУ или даже МГИМО, называя его «трагическим героем, обожженным огнем чеченской войны», то это — феномен. Феномен оборзения, и достаточно массового. Эти толпы одичали, причем вполне определенным (и вовсе не безопасным) образом. У них есть извращенная и глубоко деформированная система представлений — не только об искусстве, но и о жизни. И они еще скажут свое слово. Как там говорила политизированная критика? «Балабанов и другие предупреждают Путина»... Так они не только Путина предупреждают. Они всех нас предупреждают об очень многом. «Не спрашивай никогда, по ком звонит колокол — он звонит по тебе».

Обсуждая когда-то в среде профессионалов разницу между настоящими солдатами (в том числе теми, кого называют «псами войны») и военной элитной богемой, я услышал и почему-то запомнил, что сказал один из сведущих людей. Он сказал, имея в виду богему: «Эти тоже хорошо стреляют. Но в основном по крепко привязанным людям, у которых отобрали оружие». Пухлые мальчики еще возьмут свое. Когда они смогут стрелять — но не по чеченским террористам и не по американским бандитам, а по этим самым хорошо привязанным и обезоруженным людям. Такие же мальчики уже упражнялись в такой стрельбе в разных регионах земного шара. И я не исключаю, что России придется пополнить реестр этих регионов. А кое-кому из сидящих в нынешнем Совете Федерации (или в Госдуме) — предоставить свою плоть для соответствующих тренировок этих самых пухлых мальчиков.

Повторяю и прошу прислушаться: этот колокол всегда «звонит по тебе». А пока мальчиков тренирует Балабанов и другие, ему подобные. Они учат их беспределу. Как идеологическому, так и любому другому. Они учат их цинизму. Они прививают им «палаческий этос». Приучают к эстетике (а значит, и онтологии), замешанной на бессмысленной и самодостаточной кровожадности. Они тренируют — а все остальные лепечут что-то по этому поводу. Типа «какова эстетика», «каков художественный почерк»...

Роспись, милые мои, — это у Андрея Рублева. Это когда на стенах, да красочками, чтоб была лепота. А когда Балабанов говорит: «я распишу» — он имеет в виду не фреску, обычную или киношную. Он имеет в виду то же самое, что и любой зэк, который говорит, что он клиента распишет перышком. Вы, может быть, до сих пор считаете, что перышко будет находиться в руках восточного живописца, занимающегося тонким искусством миниатюр. Но если вы так думаете, то это странно. Потому что большинство российского населения не знает, что такое восточное искусство миниатюр. Но что такое «расписать пером», понимает чисто конкретно. А Балабанов оформляет это понимание (и эту страсть — «либидо доминантис», так, кажется?) в образцы определенного китча.

Роль Балабанова в советскую эпоху занимал блатной фольклор. И я к нему относился лучше, чем к Балабанову. Не потому, что я больше любил советскую эпоху (хотя и это, безусловно, так). А потому, что речь шла о контркультурном фольклоре. Когда братва стоит в подворотне и тренькает

на гитаре — это нормально. И можно даже чему-то умилиться («три гудочка прогудело, все с работы идут, а чекисты в это время на облаву ползут»).

А вот когда братва переходит из подворотни в ведущие концертные залы (включая Кремлевский дворец съездов), когда это вещают чуть ли не государственные (и в любом случае, лицензированные) радиоканалы («Радио Шансон», например)... Когда ты сидишь, затворившись в своей башне из слоновой кости и ждешь, не станет ли, например, лет через пять «Мурка» государственным гимном России... А что, как трогательно было бы!

Все титулованные лица встают... Слова знают. Нынешние слова — не знают. Путают. А тут — свое, родное... Вдобавок симфонический оркестр... Аранжировка лучших композиторов. И поет соответствующий хор... А у вставших губы шевелятся: «Здравствуй, моя Мурка, здравствуй, дорогая» (крещендо, трубная оркестровка а-ля «Нибелунги» Вагнера), «здравствуй, дорогая, и прощай» (гром литавр, в параллель к ним арфы и скрипки)... Вставшие плачут... Весь народ плачет... Консенсус, экстаз, объятия.

Ну, так вот. Лучше «Мурка», чем Балабанов. Даже если «Мурка» под арфы и виолончели — все равно лучше, чем Балабанов. Потому что хуже, чем Балабанов, ничего быть не может. Потому что это и есть «Мурка», собирательный криминальный фольклор, переставший быть фольклором и вышедший из подворотни на подиум государственной культурной классики.

Когда небритый пацан надрывается под гитару — это может быть даже интересно. У меня в классе был такой один пацан. Не помню, как его звали. Кажется, Петютя... Мы с ним до окончания восьмого класса несколько раз выясняли отношения. И, казалось бы, нас разделяла непреодолимая ненависть. Ведь ничто на свете я не ненавидел так, как этот мутный блатняк, кучковавшийся по подворотням.

Потому что уже тогда надо было не в искусстве, а в натуре решать, кому принадлежит улица. В том числе та, по которой я хотел прогуливаться со своими приятелями. И каким-то внутренним чувством я понимал — сегодня речь идет о том, кому принадлежит улица. Завтра речь пойдет о том, кому принадлежит страна. Улицу я тогда выиграл. А страну проиграл. Пока проиграл.

А почему проиграл-то? Потому что Петютя выиграл? Нет, сам бы Петютя не выиграл. Ему помогли выиграть. Ему помогла выиграть некая социальная группа, казалось бы, несовместимая с блатняком. Эта группа, прикинувшись моральным учителем, благословила Петютю. «Ворюга мне милей, чем кровопийца». А кто тебе сказал, что ворюга кровопийцей не будет? Вот, Балабанов показывает, что обязательно будет. И что в этом — окончательный идеал. Назвать эту группу интеллигенцией — не могу. Знал тогда и знаю сейчас, что интеллигенция — это другое. Это моя мать и ее друзья. Это Чехов. Это те, кто, облучаясь нещадно, делали атомную бомбу. Это — настоящая интеллигенция.

А группа — симулякр... Яблочко напополам с червяком. Ковбоечки... Стоптаные туфельки... Моральный декорум... Но внутри — другое. «Заглянешь в душу — обыкновеннейший крокодил» (Чехов). Этот «крокодил» (так и хочется сказать «крокодайл») — ценитель и пропагандист балабановщины. Этот «крокодайл» трепетал в предчувствии будущих «Бриони» и «Ламборджини». Хотите знать, в чем смысл балабановщины? Вслушайтесь в это неукротимое «кроко-дайл!».

«Кроко-дайл»... «А заглянешь в душу...» Заглянешь — и увидишь этого самого «крокодайла». Не да... Это вам не Петютя. Другие зубы... Другой прикус... Другой, рептильно-холодный, испытующий взгляд. «Что есть главный мотив рептилии? Аппетит».

Но мне хочется вернуться к Петюте. Мы с ним в последний раз встретились на выпускном концерте. Я читал стихи. А он пел под гитару. У меня впереди были девятый, десятый класс, институт. У него — зона. Он это не предполагал, а знал. И это знание рвалось из его души. Вокруг

были лица — еще не блатные. Лица эти ему нравились. Да еще дали возможность выступить в концерте. И он выступал. Пел: «Все, что будет со мной, знаю я наперед. Не ищущу я себе провожатых. А по Чистым прудам лебедь белый плывет...».

Петютя, действительно, знал наперед, что его ждет. И не искал себе провожатых, потому что он их уже нашел. А они нашли его. Школа наша была в районе Чистых прудов. Петютя светил сначала нормальный лагерь, а потом, возможно, и «Белый лебедь». Так что белый лебедь — плыл во всех смыслах этого слова. И в том смысле, что жалко было расставаться с Чистыми прудами. И в иных смыслах тоже.

Боже, как Петютя пел! Я тогда понял высочайшую эстетическую мощь, исторгаемую глубокой душевной тоскою, которая всегда для меня тоска человеческая. И я понял, что с Петютей нас многое разделяет, но что-то объединяет.

Если бы Балабанов мог задеть на одну микросекунду и в дозировке один к тысяче то, что рвалось из души Петютя, я бы, наверное, понял и восхитился. И глубоко наплевал бы на то, против это советской власти и коммунизма... за... Искусство призвано что-то сказать о человеке. А там, где оно против или за — оно уже не искусство.

Я не хочу сказать, что у Балабанова нет души. Я твердо стою на гуманистической позиции. В том смысле, что не разделяю людей на обладателей души и тех, у кого ее нет. Пусть это другие делают. Я же твердо заявляю, что у Балабанова душа есть. Потому что он человек. Но эта душа абсолютно не участвует в акте творчества. В акте творчества участвует холодный, скользкий расчет. И еще кое-что. Но вначале об этом самом расчете.

Сколько бы Балабанов ни кичился своей художественной независимостью, он зависим от успеха — до колик. И не в момент, когда он смотрит снятый фильм, а постоянно. Когда он замыслил нечто. Когда начал снимать. В каждую минуту съемки. Он отказаться от этой зависимости не может. Потому-то он и не художник. Он модный парикмахер. Но плохой парикмахер. Потому что хороший парикмахер хочет что-то выразить. А Балабанов ничего не хочет выразить. Он хочет срубить бабки. И он хочет, чтобы от него те, кто надо, «писали кипятком». Срубить бабки — основная тема его жизненной симфонии. Чтобы те, кто надо, «писали кипятком» — дополнительная тема. А дальше начинаются переплетения... Анданте, аллегро... И все другие симфонические формы, сопрягающие, как и полагается, основную и побочную темы.

Могу ли я сказать что-нибудь позитивное о Балабанове? Да, могу. Позитивное в нем то, что он беспредельно презирает тех, кто должен от него «писать кипятком». Он их презирает вообще. Он их презирает классово. Он их презирает экзистенциально. И он их презирает калькуляционно. Он видит их насквозь во всей их мелкой пакостности. Он играет на них, как на балалайке (чуть было не сказал — балабайке). И когда видно, как он их презирает, то смотреть на это приятно. Мне лично приятно. Потому что я твердо знаю, что они заслужили подобное отношение. Много чем заслужили — и, прежде всего, тем, что «писают кипятком». В итоге они будут харкать кровью.

И если бы только они одни, то бог бы с ними. Но поскольку это не так, то запершись в башне из слоновой кости, мы уподобимся сразу и Балабанову, и тем, кто от него «писает кипятком». Мы должны ответить. Пусть этот балабановский фортель разделит общество! Ему давно пораделиться. Причем не идеологически, а культурно. Как там писал Гумилев в «Африканской ночи»?

*Завтра мы встретимся и узнаем,
Кому быть властителем этих мест.
Им помогает черный камень.
Нам — золотой нательный крест.*

Чтобы не было никаких иллюзий — я не воцерковлен и воцерковляться не собираюсь. Но ночь пришла. И пришла как тьма. «Ваше время и власть тьмы». Что охраняет их — а что нас?

Пусть они окончательно скажут, что охраняющий их символ — это «Груз 200». Ну, пожалуйста, пусть они побыстрее об этом скажут! Так надоело ждать! Так хочется этой финальной определенности!

И тогда мы скажем, что нас охраняют фильм «Броненосец “Потемкин”», фильм «Чапаев», «Иваново детство» Тарковского. И еще пара десятков подобных им кинооберегов.

А ночь обязательно пройдет. И тогда — узнаем воистину. Только не надо бояться. Они особо ненавидят фильм «Чапаев» (на мой взгляд, лучший из перечисленных). А в фильме особо ненавидят две фразы об атаке каппелевцев: «Красиво идут... Интеллигенция...» И — «Психическая, говоришь? Хрен с ней, давай психическую!»

Балабанов хочет устроить «психическую». Хрен с ней... А насчет того, что «красиво идут»... Так, честно говоря, не очень. Как-то стали ковылять... И это заметно. Ну, да ладно. Важно, чтобы кончилась ночь.

Конец текста